

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Мордовский государственный университет
им. Н.П.Огарёва»

Мордовский
государственный
университет
имени Н. П. Огарёва

УТВЕРЖДАЮ
проректор по научной работе
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва»
Н.В. Сенин
30 *Н.В. Сенин* 2016 г.

Программа вступительного испытания
по программе подготовки научно-педагогических кадров
в аспирантуре
Иностранный (английский) язык

Направление подготовки
05.06.01 Науки о земле

Саранск 2016

РАЗРАБОТАНО:

Профессор кафедры английского языка
для профессиональной коммуникации

Лемайкина Лемайкина Л.М.
29 марта 2016

СОГЛАСОВАНО:

Зав. кафедрой английского языка
для профессиональной коммуникации

Цыбина Цыбина Л.В.
29 марта 2016

Декан факультета

Буренина Буренина Н.В.
29 марта 2016

Зам. Начальнику управления подготовки
кадров высшей квалификации

Агеева О.Н. Агеева *Н.В. Енюшина*
29 марта 2016

Пояснительная записка

Программа вступительного испытания в аспирантуру по английскому языку разработана в соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования по программам специалитета или магистратуры.

Цель вступительного испытания — определить у поступающих уровень развития коммуникативной компетенции. Под коммуникативной компетенцией понимается умение соотносить языковые средства с конкретными сферами, ситуациями, условиями и задачами общения, рассматривать языковой материал как средство реализации речевого общения.

Требования к поступающим:

На вступительном испытании поступающий должен продемонстрировать умение пользоваться английским языком как средством культурного и профессионального общения. Поступающий должен владеть орфографическими, лексическими и грамматическими нормами английского языка и правильно использовать их во всех видах речевой деятельности, представленных в сфере профессионального: и научного общения.

Учитывая перспективы практической и научной деятельности аспирантов, требования к знаниям и умениям на вступительном испытании осуществляются в соответствии с уровнем следующих языковых компетенций:

Говорение и аудирование - на вступительном испытании поступающий должен показать владение неподготовленной диалогической речью в ситуации официального общения в пределах вузовской программной тематики. Оценивается умение адекватно воспринимать речь и давать логически обоснованные развернутые и краткие ответы на вопросы экзаменатора.

Чтение – контролируются навыки изучающего и просмотрового чтения. В первом случае поступающий должен продемонстрировать умение читать оригинальную литературу по специальности, максимально полно и точно переводить её на русский язык, пользуясь словарём и опираясь на профессиональные знания и навыки языковой и контекстуальной догадки. При просмотровом /беглом/ чтении оценивается умение в течение ограниченного времени определить круг рассматриваемых в тексте вопросов, выявить основные положения автора и перевести текст на русский язык без предварительной подготовки, без словаря. Как письменный, так и устный переводы должны соответствовать нормам русского языка.

Критерии оценки

На вступительном испытании оцениваются:

- объем остаточных знаний по курсу «Иностранный язык»;
- умение использовать теоретические знания в предложенной речевой ситуации;
- полнота ответа, логика в его изложении, умение четко, грамотно и по существу излагать свои мысли на иностранном языке.

Оценки «отлично» заслуживает экзаменуемый, обнаруживший всестороннее, систематическое и глубокое знание учебного материала, умение свободно выполнять задания, предусмотренные программой, усвоивший основную, и знакомый с дополнительной литературой, рекомендованной программой.

Оценки «хорошо» заслуживает экзаменуемый, обнаруживший полные знания учебного материала, успешно выполняющий предусмотренные в программе задания, усвоивший основную литературу, рекомендованную в программе. Оценка «хорошо» выставляется экзаменуемому, показавшим систематический характер знаний по дисциплине и способным к их самостоятельному пополнению и обновлению в ходе дальнейшей учебной работы.

Оценки «удовлетворительно» заслуживает экзаменуемый, обнаруживший знание учебного материала в объеме, необходимом для дальнейшей учебы, справляющийся с выполнением заданий, предусмотренных программой, знакомый с основной литературой, рекомендованной программой. Оценка «удовлетворительно» выставляется экзаменуемому, допустившим погрешность в ответе на экзамене и при выполнении экзаменационных заданий, но обладающим необходимыми знаниями для их устранения под руководством преподавателя.

Оценка «неудовлетворительно» выставляется экзаменуемому, обнаружившему пробелы в знаниях основного учебного материала, допустившему принципиальные ошибки в выполнении предусмотренных программой заданий. Оценка «неудовлетворительно» ставится экзаменуемому, которые не могут продолжить обучение без дополнительных занятий по соответствующей дисциплине

Содержание:

1. Письменный перевод текста /со словарём/ по направлению подготовки 05.06.01 Науки о земле. Объем текста – 2000 печатных знаков, время выполнения - 45 минут (см.Приложение 1).

2. Устный перевод с листа текста общенаучного содержания объёмом 1000 печатных знаков, без словаря, время подготовки - 5 минут.

3. Краткая беседа с преподавателем на одну из следующих тем:

- *Научно-исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева;*
- *Научная деятельность института (факультета);*
- *Круг научных интересов поступающего;*
- *Известные ученые (зарубежные и отечественные) в данном направлении;*
- *Важнейшие достижения научной мысли в избранной области.*

Рекомендуемая литература:

1. Кулиш, С.А. Английский язык: пособие для поступающих в аспирантуру / С.А. Кулиш ; М-во образования и науки Росс. Федерации, ГОУ ВПО Моск. гос. строит. ун-т. ; науч. ред. А.Е. Беспалов. М. : МГСУ, 2011.

2. Белякова, Елена Ивановна. Английский для аспирантов : учебное пособие / Белякова, Елена Ивановна. - М.: Вузовский учебник : ИНФРА-М, 2014.

3. Балицкая, И. В. Английский язык для аспирантов и соискателей: учебное пособие / И. В. Балицкая, И. И. Майорова, А. Н. Рендович. – Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2012.– 80 с.

4. Качалова К.Н. Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами. СПб.: Базис: Каро, 2006.

5. Худяков А.А. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Академия. 2005.

6. Смирнова С.Н. English Grammar Guide for Technical Students: Учебное пособие по английскому языку. – М.: НИЯУ МИФИ, 2010. – 84 с.

Информационно-справочные и поисковые системы

www.onelook.com

www.infoplease.com

<http://www.cogsci.princeton.edu/~wn> — WordNet

<http://thetis.bl.uk/lookup.html> — British National Corpus

<http://wordweb.info/WW2> — WordWeb,

<http://www.multitran.ru>

<http://www.webster.com>

<http://www.foreign-languages.com>

<http://www.language.ru>

Текст 1.

Introduction to politics of climate change:
discourses of policy and practice
in developing countries

ALEX ARNALL*, UMA KOTHARI† AND ILAN KELMAN‡

**School of Agriculture, Policy and the Environment, University of Reading, PO Box 237, Reading*

RG6 6AR, UK

Email: a.h.arnall@reading.ac.uk

†*School of Environment and Development, University of Manchester, Manchester, M13 9PL, UK*

‡*CICERO (Centre for International Climate and Environment Research – Oslo), PO Box 1129m,*

Blindern, N-0318 Oslo, Norway

This paper was accepted for publication in August 2013

The past 20 years have witnessed a momentous surge in interest in the idea of climate change. Much of this growth is due to the field of climate science, which has produced compelling evidence to show that human actions are significantly changing the composition of the atmosphere, which is altering the functioning of the climate system (IPCC 2007). It is also attributable to the tens of thousands of organisations, networks, companies, consultants and advocates concerned with a host of climate change-related response issues, ranging from energy and infrastructure, to risk management and reduction, to community-based adaptation that have been spawned as a result.

Many of these actors are supported by major financial investments. For example, in March 2010 the UK Department for International Development (DFID) announced that it would be investing £50 million in a new programme, the Climate and Development Knowledge Network (CDKN), to ‘help developing countries navigate the challenges of climate change’. This trend is set to continue with tens of billions of dollars of climate finance pledged by the international community over the next 10 years (COP 2009). In this way, climate change has become ‘one of *the* defining contemporary international development issues’ (Tanner and Allouche 2011, 1).

Studies of contemporary climate change from greenhouse gas emissions and land use changes originated in the natural sciences-based literature and the science-based institutions of the United Nations, particularly the Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). This purely physical framing of the climate change issue adopted by the IPCC has dominated policymaking since the mid 1980s (Hulme 2007) and associated concepts – most notably ‘mitigation’ and ‘adaptation’ – have quickly garnered legitimacy in international debates (McNamara and Gibson 2009).

Текст 2.

In the field of environment and development, a concern with how people imagine human–climate interactions and therefore begin to build images or narratives about particular groups of people, geographical places or periods of time is not new (cf. Furedi 2007; Endfield and Nash 2002). Some scholars view these types of cultural conception as hegemonic, in the sense that they dominate thinking and structure institutional arrangements. For example, Bankoff (2001, 19), examining the historical roots of

the 'hazard' discursive framework, argues that 'tropicality, development and vulnerability form part of one and the same essentialising and generalising cultural discourse that denigrates large regions of the world as disease-ridden, poverty-stricken and disasterprone', thus justifying Western intervention. Other scholars, however, see a greater plurality of images and narratives in which discourses can become powerful, but never completely hegemonic (Hilhorst 2001). This approach, for example, is used by McNamara and Gibson (2009) who show how the dominant representation of people living in the Pacific as 'climate refugees' by the international climate change community has been resisted by the islanders themselves, many of whom do not accord with the action of 'fleeing' as part of their vision for the future. The papers presented in this Themed Section reflect both the hegemonic and more pluralistic positions outlined above. The articles are mostly case study based and focus on sub-Saharan Africa and Small Island Developing States (SIDS), which are considered to be among the most vulnerable regions to climate change in the world (Christensen *et al.* 2007). The articles are organised around three interlinked themes. The first theme concerns the *processes* of rapid technicalisation and professionalisation of the climate change 'industry'. According to Escobar, development has 'fostered a way of conceiving of social life as a technical problem, as a matter for rational decision and management to be entrusted to the group of people – the development professionals – whose specialised knowledge allegedly qualifies them for that task' (Escobar 1997, 91). The effect of these processes is that the terms of the international development debate are substantially narrowed as the 'intellectual distance between donor and recipient is maintained', and potentially critical discourses are co-opted (Kothari 2005, 428).

Text 3.

These concerns are taken up in this issue by Sasser (2013) who shows how one particular managerial 'solution' to the climate change problem that focuses on demographics and population control has had the effect of 'narrowing understandings of sexual and reproductive health and rights (SRHR) issues for women through the technicalisation of [their] rights'. Weisser *et al.* (2013), also in this issue, further develop this theme by demonstrating how 'expertdefined', 'mechanistic' understandings of climate change adaptation operating in international policy circles are interpreted and implemented by multiple

actors operating at national and sub-national levels. Moreover, these technicalisation processes are not necessarily neutral but tend to tip the terms of the climate change debate towards compatibility with the dominant ideology of our time, neoliberalism, and the associated emphasis on trade liberalisation, marketisation, deregulation and volunteerism (Humphreys 2009). There is now a growing literature which demonstrates the increasing neoliberalisation of climate change policy and practice (e.g. see Lohmann 2011; Featherstone 2013; Felli 2013). In this Themed Section, Arnall (2013) reflects these concerns by showing how government- and NGOled efforts to 'build resilience' to climate change in the context of central Mozambique readily fit into the county's dominant neoliberal development agenda. The second theme deals with the ideological *effects* of the climate change industry, which is 'depoliticisation'. This term is most associated with Ferguson (1994, xv) who likened development in Lesotho to an 'anti-politics machine', 'depoliticising everything that it touches', by depriving the subjects of anti-poverty interventions of their history and politics. More recently, efforts by donors to incorporate new approaches and techniques that attempt to reverse the top-down hegemony of development agencies, such as participation, have similarly come under attack (cf. Cooke and Kothari 2001; Hickey and Mohan 2005). This is evident from the large body of case studies showing how 'one-size-fits-all development recipes' that focus on concepts that everyone can ostensibly agree on, such as 'empowerment', deflect attention away from the political reforms needed for structural change (Cornwall and Brock 2005; Botchway 2001).

Текст 4.

Recently, Felli and Castro (2012) have argued that the high-profile Foresight Report on Migration and Global Environmental Change (Foresight: Migration and Global Environmental Change 2011) has shifted analytical attention away from the socioeconomic and political context to refocus it onto the individual's qualities and his or her 'capacity to adapt'. Similarly, this Themed Section argues that a focus on climate change by researchers, policymakers and practitioners can deflect attention away from underlying political conditions of vulnerability and exploitation towards the nature of the physical hazard itself, be it drought, flood or some other environmental perturbation. Kelman (2013), for example, argues in this issue that, in the context of SIDS, the

fundamental challenge that islanders face is not so much the hazard of climate per se, but the reason why SIDS peoples often do not have the resources or options to resolve climate change and other development challenges themselves, on their own terms.

The third theme concerns the institutional *effects* of an insufficiently socialised idea of climate change, which is the maintenance of existing relations of power or their reconfiguration in favour of the already powerful. Climate change mitigation and adaptation are complex, contested concepts that have spawned a wide range of policies and interventions across the developing world, ranging from infrastructure development, to agricultural extension, to resettlement of populations considered to be at risk of climate-related hazards (Kelman 2010). The flexibility of the mitigation and adaptation paradigms might be considered by some as a sign of the concepts' strengths. However, as pointed out by Hulme (2007), such properties also endow them with a near 'infinite plasticity . . . a malleable envoy enlisted in support of too many rulers' (pp. 9–10). In this issue, Arnall (2013) and Kothari (2013) demonstrate how these processes have come to pass in the cases of Mozambique and the Maldives respectively. The authors show how climate change is being used in their respective countries to validate the re-emergence of past unpopular social policies, some of which might actually exacerbate vulnerability. The focus in both instances is on involuntary resettlement, an intervention that has received growing interest from the international policy community either as a potential climate change adaptation measure or as exemplifying a failure to adapt to climate change (Bogardi and Warner 2008; Warner 2011).